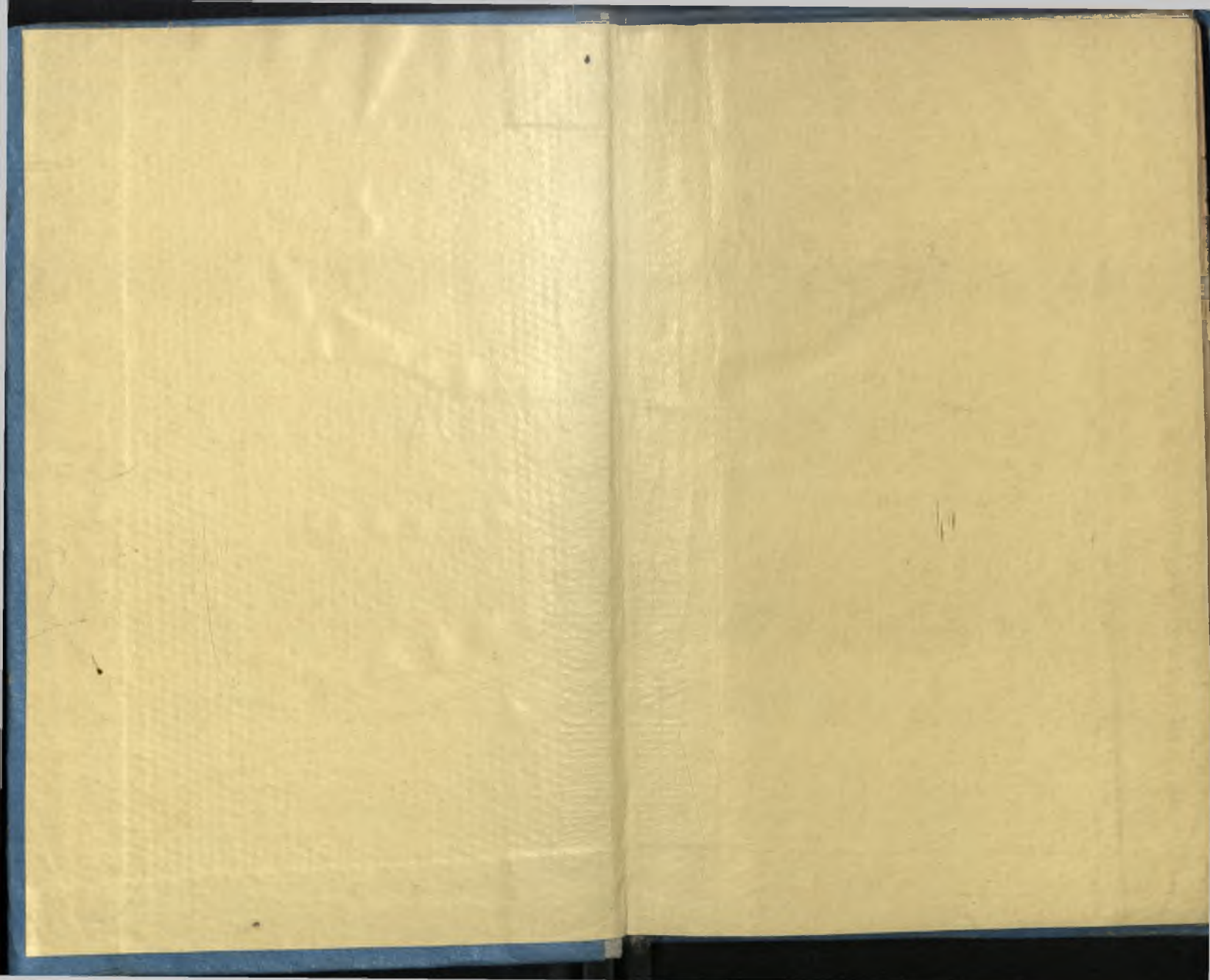

Е. ПЕРМЯК

26.89
К П26-43

УРАЛЬСКИЕ
ЗАПИСКИ

26.89
К 1726-43

26
D

г. Пермь?

Уральские
записки

ор. 5042

+ X

Тетрадь

I

1943

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

12/12 - 307

27/11 - 260

18/11 - 85

9/11 - 1572

20/8

13/10 - 101

Класс. продан выдан

Сек. 384

✓ 9
11-26
✓
Евг. Пермяк

+

УРАЛЬСКИЕ ЗАПИСКИ

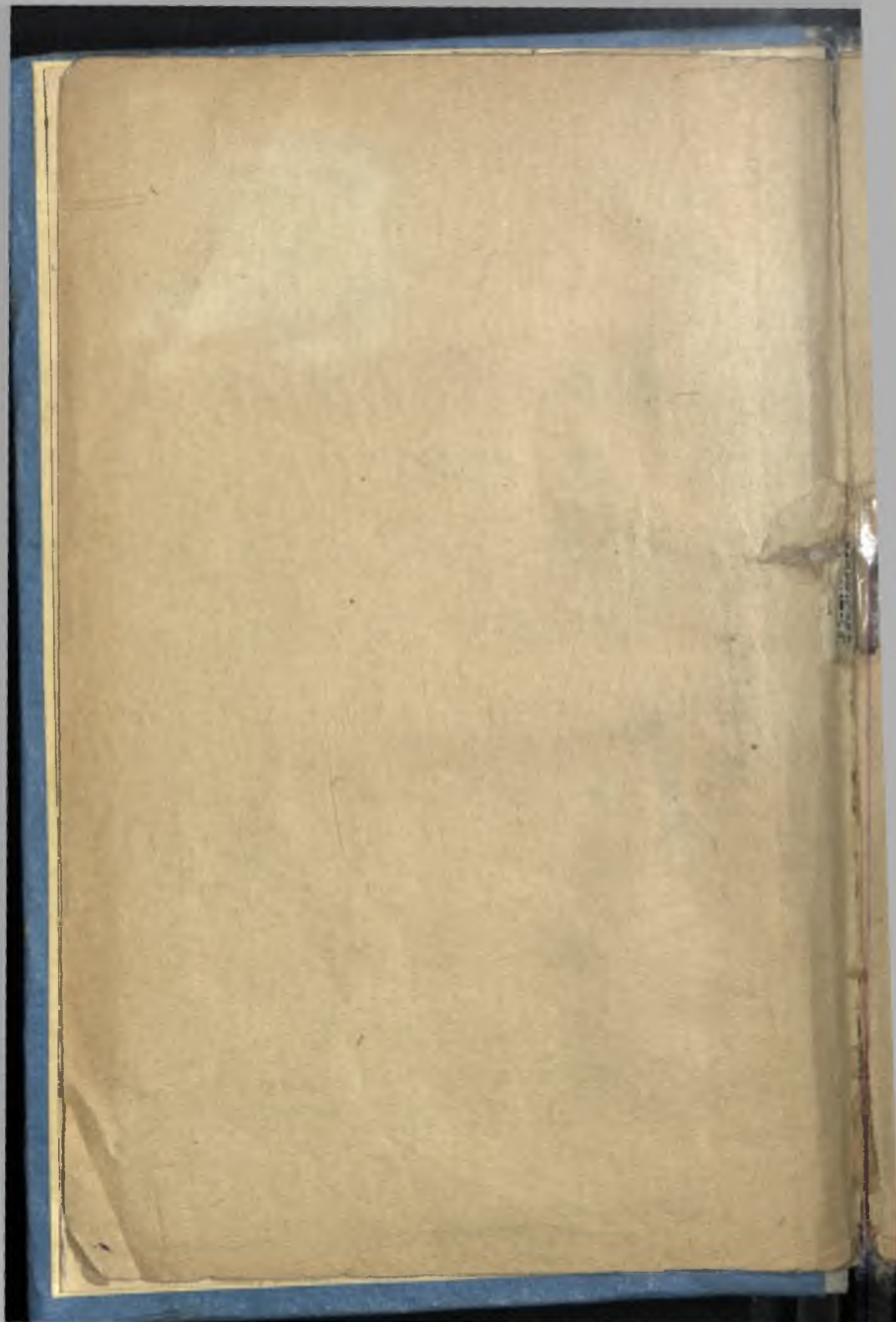
Тетрадь первая

~~118480~~
✓
5042 корсаки
+

лет с/р. 10-12

ОГИЗ
Свердловское Областное
Государственное Издательство
1943 ✓

зан с
здесь
здесь
сть.
риода
ским
рал и
ах.
в об
емая
нача-
рале.
твор-
о он
егко
го-
я от
за-
на
си-
не
гле-
нов
ль-

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИЖКЕ

Драматург Евг. Пермяк кровно связан с Уралом. Он не только родился и проходил здесь первую стадию своего образования, он здесь начинал и свою писательскую деятельность.

Возвратившись сюда после долгого периода жизни в Москве, он уже зрелым писательским глазом жадно смотрит на современный Урал и стремительно отражает его в своих работах.

После пьесы «Иван да Марья», очерков об ОРС'е Высокогорского рудника предлагаемая книжка «Уральские записки» является началом третьей большой работы писателя об Урале.

Это, разумеется, говорит не только о творческой активности автора, но и о том, что он не замыкается в рамках своего жанра. Легко и свободно, с большой силой внутреннего горения работает он и над очерками, начиная от строго документированных до внешне-показательных с элементами сенсации.

Книга ни в какой мере не претендует на полноту в охвате материала, на строгость системы в его подборе и расположении. Это не более, как первая запись свежих впечатлений.

За всем этим работа Евг. Пермяка именно в таком виде представляет несомненный и большой интерес для широкого читателя.

Сила Евг. Пермяка в том, что он заново смотрит на Урал, который знал в его недавнем прошлом. Это знание, усиливая контрастирование с настоящим, изумляет писателя и даёт ему возможность неожиданных определений, обобщений, деталей.

Пусть всё это не до конца продумано, не взвешено на аптекарских весах, не освещено полностью, но зато это горячо и действенно. Это передаёт настроение, удивляет, волнует читателя и, в конечном счёте, даёт познания современного Сталинского Урала не меньше, чем обстоятельная статья с цифрами и таблицами.

П. Бажов.

МОЛОДАЯ СТОЛИЦА

Этот пруд запруживали ещё при Петре Первом. С пруда и город начался. Обычная история многих уральских городов и заводов — находят наиболее удобную пойму реки, в самом узком месте насыпают плотину, ниже плотины ставят завод, а вокруг пруда строят посёлок. Возьмёте ли вы Тагил, Невьянск или Ревду — все старые заводы начинались с пруда. А этому заводу суждено было стать городом — вначале уездным Екатеринбургом, позднее областным, а в наши дни большим столичным городом республиканского подчинения — Свердловском.

Немного лет Свердловску, почти однокладку города Ленина. Не предания, а архивы хранят его историю, и её можно перелистать из года в год.

Юн этот город среди городов России.

Слово Екатеринбург не осталось даже по привычке на устах у стариков. В городе заново выросли улицы, площади, оделись в камень мостовые, возникли театры, дома общественных и государственных учреждений и бессчётное количество заводов. И всё это случилось очень быстро.

Был Екатеринбург, и нет Екатеринбурга. Люди, восемь-десять лет не посещавшие города, только по сложным координатам памяти

отыскивают старые места. Город буквально менялся у нас на глазах.

Два стиля, два направления в новой архитектуре города. Ранний период роста города несёт на себе печать Корбюзье. Коробки, неожиданные комбинации кубов и цилиндров, небоскрёбы, странно возникающие среди четырёх-пятиэтажного домового «плоскогорья». Впрочем, таких домов немного. Эпоха нашла свой стиль, и мы видим, как некоторые дома, задуманные в манере Корбюзье, уже во время их возникновения нашли более совершенные и приятные для глаза архитектурные формы и линии.

Свердловск всегда хочется сравнивать с Москвой или Ленинградом, хотя он и не похож на них. Но, между тем, в нём есть что-то московское и что-то ленинградское. Вглядываясь внимательнее и изучая город, вы находите в нём какие-то неуловимые элементы Харькова, Киева, Одессы. То вдруг он напоминает Тулу или Калугу. Есть улицы, которые совсем такие же, как в Казани, есть площади, в которых живёт Саратов. Может быть, это происходит потому, что Свердловск строили все, и каждый привёз сюда нюанс своего родного города.

Да, есть в Свердловске нечто собирательное. Кажется, все города Советского Союза представлены здесь. Столица Урала в этом отношении похожа на его недра. Ведь в них, как в титаническом заповеднике, представлены все ископаемые не только СССР, но и мира. Недаром же учёные говорят, что здесь, на Урале, нехватает только тех элементов по менделеевской таблице, которые ещё не открыты.

Город напоминает многогранный самоцвет, и в каждой из его граней—свой цвет, свой блеск, своя игра, а в целом это большое единое. Надо суметь увидеть не одну, а несколько или все эти грани громадного камня-города, тогда будут видны его своеобразные оригинальные противоположности в единстве ансамбля.

Улицы города строги. Его кварталы квадратны. Приезжий осваивает топографию города сразу. Она проста, как в Ленинграде.

Свердловск изобилует площадями и скверами. Они, как и климат, как и погода двух смежных дней, не похожи друг на друга. Даже улицы, одинаковые в плане, различны в натуре. Одни зелёные, совсем харьковские, другие — деловые, каменные, американские. И набережные — ново-московская одна, старо-московская противоположная ей, а в целом это набережная городского пруда.

Город строится. Тут и там видны каменные остовы домов, не оштукатуренные и не облицованные фасады, а иногда и только фундаменты. Значительную часть города можно увидеть в перспективе воображения. Даже неискушённому ясно, что многие домишки, торча перед выросшими четырёхэтажными красавцами, задержались в жизни только на время войны, на время естественной скученности населения. Есть целые улицы, обречённые на слом.

Город живёт нетерпением дальнейшего преобразования и благоустройства.

В дни великой Отечественной войны резко изменилась духовная жизнь и культура города. В нём никогда не было столько учреждений и выдающихся людей техники, науки, искусства и литературы. И каждое и каждый из них

оставляют свой след, своё наследство. Город превратился в очаг передовой мысли, искусства, в кузницу технических кадров, в громаднейший хозяйственно-политический центр советского тыла.

Если два года назад с трудом, но можно было приблизительно подсчитать количество заводов, окаймляющих город, то теперь им нет счёта. Лес труб представляют собою окраины и пригород. Главными фигурами города являются рабочие, работницы, ремесленники, техническая интеллигенция.

Свердловск, прежде всего, индустриальная столица, самый большой из всех промышленных центров, старший в семье городов Урала — Молотова, Челябинска, Златоуста, Магнитогорска, Тагила, Серова и многих других, составляющих звёздную карту городов нашей родины на стыке Европы и Азии.

Из Свердловска — большого железнодорожного узла ведут пути во все уголки Урала, такого же целого и единого в своих противоположностях и контрастах.

По этим-то путям мы и поедem, чтобы хотя бы бегло, как говорится, «из окна вагона», увидеть частицы грандиозного.

ТАГИЛ

После Свердловска город Нижний Тагил — самый значительный промышленный центр Свердловской области. Это чувствуется даже, если вы подъезжаете к нему ночью.

Море огней и вулканические языки домен светят вам издали. Тагил кажется уже близко, а до него ещё ехать да ехать...

Электрический поезд привозит вас почти в центр города. В старый демидовский город. Немногое изменилось здесь за это столетие. Выросло несколько десятков больших зданий, занятых городскими учреждениями, исправлены старые улицы, подновлены фасады, а в целом это — конец прошлого века. И как бы выходя из прошлого, грязновато-серый демидовский дом главенствует над деревянным окружением улочек, переулков, криулей.

Бревенчатый дом, двор, пристройки, службы для скота и утвари — типичная жилая единица старого Тагила — сохранились в своей неприкосновенности и в наше время. И по сей день корова и другие домашние животные населяют дворы тагильчан-рабочих.

В центре города, как полагается для старого уральского заводского посёлка, красавец-пруд. Здесь запружена знаменитая река Тагил. Здесь прошли острогрудые струги Ермака, и память о нём в тагильской округе сохранилась в легендах, в названии мест, урочищ, камней.

Таков центр Тагила. Но сам Тагил, большой, настоящий, современный Тагил начинается не с центра, а с окраин.

Парадоксом звучат слова о том, что добывавший в центре Тагила был только в его при-

городе. А пригород Тагила — действительное лицо города. Тагил, в отличие от других городов, и растёт не от центра к окраинам, а с окраин к центру. И эти окраины замечательны. За городом неожиданно открывается центральная столичная улица со всеми деталями. Высокие дома с архитектурно-затейливыми фасадами, сады, газоны, широкие панели.

Если взобраться на гору Высокую, то Тагил виден во всём его величии.

Тагильский ландшафт представляет собою корпуса, домны, грубы. Справа и слева они уходят за горизонт, теряются в лесу и снова появляются из сосновой зелени.

Хочется верить, что чья-то большая рука на старую рабочую главу Тагила надела титанический индустриальный венец. И в этом венце собрано почти всё, чем характерна уральская промышленность.

Здесь, в Тагиле, не сходя с горы Высокой, можно увидеть схему всего цикла превращения горных богатств в изделия. Оглянитесь, позади вас огромный котлован железного рудника—гора Высокая. Это уже, как говорят геологи, не гора Высокая, а яма глубокая. И действительно, ведя разработку рудного месторождения открытым способом, в значительной степени вырыли эту гору, и она является теперь большим амфитеатральным углублением, по уступам которого один за другим идут поезда, груженные рудой. Руда, проходя через промывочные или агломерационные фабрики, поступает в ненасытное чрево домен, чтобы перейти из них в мартены, электропечи и стать сталью, стать сплавами, годными в дело.

ЮНЫЙ ГОРОД КРАСНОКАМСК

Иногда большое, общественное легче показывать через личное, маленькое. Так мы и сделаем, рассказывая об этом городе.

Тут был лес... Хвойный, дремучий, нескончаемый. Он тянулся вплоть до берегов реки Вятки, и селения были редкими островками в его зелёном елово-пихтовом разливе.

На этом берегу я бывал ещё мальчишкой. Ходил за грибами, за клюквой и в «тайную разведку» за нефтью.

Мы в отроческие годы верили, несли эту веру от отцов, дедов о том, что здесь должна быть нефть. Должна! Потому что она в пресудах, в молве. Она выступает маслянистыми пятнами на болотах, речках, озёрах. Но нефти никто не находил.

Мы хотели её найти. И трудолюбиво, по-детски настойчиво маленькими лопатками углублялись на аршин, на два в землю там, где обнаруживали жирное пятно. Может быть, это пятно возникло от того, что дикая утка, выпачкав в нефти на Каме свои крылья, омыла их здесь на болоте, а может быть, отдыхающие разжигали керосином костёр. Но мы рыли, верили, разочаровывались, снова рыли, но ни разу из нашей «скважины» не забил счастливый чёрный фонтан.

Мы, наверно, согласны были тогда утонуть в этом фонтане, лишь бы открыть нефть...

Много лет прошло с тех пор. Около двадцати пяти, и я снова подъезжал к этим берегам, но уже не на лодке — на быстроходном глиссере. Сердце билось так же трепетно, как будто в этой нефти, к которой я, кроме зажи-

гор
лиц
дов
окр
За
ная
сок
дам
Е
вид
Т
кор
ух
по
на
ни
вер
ура
мо
вр
тес
ру
гес
де
ст
но
те
ни
ид
че
ри
чт
и
де

галки, не имел никакого отношения, был заключён смысл моей жизни.

Я сделал крутой поворот штурвала глиссера, и перед моими глазами и глазами моих спутников предстал лес нефтяных вышек. Я бросил «баранку» управления. Водитель и спутники с опаской посмотрели на меня, а я вскочил, замахал шляпой и закричал сквозь ветер и шум глиссера: «Здравствуй, нефть! Вот когда мы с тобой встретились!»

Если бы мои спутники знали предисторию этой встречи, они бы поняли мой восторг.

Мы причалили к берегу. Я выпрыгнул первым. На берегу я не нашёл ни наших следов, ни костров моей юности, ни тех тёмносиних густых елей, которые защищали нас от дёбого дождя, ничего. Даже рельеф стал другим. Лес отступил. Перед нами был город. Город своеобразный. Со всеми прелестями новой архитектуры и глупостями, совершёнными в её поисках. Рядом с большими каменными европейскими домами, компактными коттеджами технического посёлка, многоквартирными коммунальными домами, выстроены «аэропланы». Это дома, которые в плане повторяют форму аэропланов. В их «фюзеляжах» — главная часть корпуса, в «крыльях» — крылья дома, в хвосте — служебные и второстепенные «учреждения». Дома так и называются — «аэроплан № 1», «аэроплан № 2». Если не считать, что всё это несколько смешно, в остальном аэропланы ничем не отличаются от нормального земного жилого сооружения. Ещё бросаются в глаза приехавшему дома, поставленные углом к линии улицы. Необычно, но очевидно разумно в смысле выгодного пово-

рота окон дома к солнцу. Краснокамск хороший новый город, в хвойном лесу. Не городок, а город. Здесь опера, городской совет, правила уличного движения, газета, банк, кинематографы, библиотеки.

Отличием этого города, не похожим на все остальные города Урала, является присутствие нефтяных вышек на его улицах. Их можно встретить всюду — на перекрёстках, площадях, рядом с главным входом в большой дом и даже на дворах и огородах.

Почему? Что это за странное совмещение нефтепромысла и города?

В ответ на это приведём не лишённую юмора историческую справку.

После того как город Краснокамск с кальки перешёл на землю и бумажный комбинат, ради которого он вырос, был тоже закончен, — понадобилась добавочная вода. Приступили к бурению артезианского колодца. Пробурив колодец, люди получили вместо воды — нефть. Испугавшись находки, «умники» решили скрыть нефть. Нефть угрожала геологам, которые, недостаточно разведав площадку, дали своё согласие на возведение громадного бумажного комбината. Этот ложный испуг привёл к тому, что решили бурить дальше. Пройдя нефтеносный слой, буровые мастера наткнулись на новый сюрприз — открыли сернистые источники. Дальше они бурить, очевидно, не осмелились, потому что недра оказались явно чреватые сюрпризами, к тому же нефти, видимо, настолько надоело томиться под землёй за эти несколько миллионов лет со дня образования земной коры, что она хлынула наружу.

~~Колодец~~
Колодец 2405

ГО
ЛИ
ДО
ОК
ЗА
НА
СО
ДА
ВИ
КО
У
ПО
НА
НИ
ВЕ
УИ
М
В
ТЕ
Р
Г
Д
С
Н
Т
Н
И
Ч
Р
Ч
И
Д

Нефть стала фактом и открытием государственного значения. Нефти было суждено жить рядом с бумагой.

Бумажники и нефтяники — теперь главные профессии Краснокамска. Так два разнородных предмета ужились на одной территории.

Цифры добычи не оглашаются в военное время. Поэтому мы будем говорить приблизительно и относительно. Прикамская нефть в дебете отечественной нефти не является решающей. Но если говорить о нефтяных ресурсах Германии, то эти цифры добычи краснокамской нефти могли бы стать для неё цифрами стратегического значения.

Нефть подымается насосами-качалками с километровой глубины. (Конечно, мы не могли дорваться до неё лопаткой!) Насосы-качалки работают круглые сутки. Их чёрные рычаги со стержнем насоса на одном конце и противовесом на другом качаются, не останавливаясь ни на минуту. Их называют здесь «богомолками». И впрямь... Они, словно молятся, кланяясь земле, и земля за каждый поклон платит им нефтью.

Множество самых неожиданных мыслей приходит в голову, когда думаешь о краснокамской нефти. Пёстры и богаты уральские недра, и как знать, где и что лежит под землёй. Всего не разведает сразу. Урал велик.

Хорошо побывать здесь на нефтяном «богомолье» качалок и вместе с ними и самому поклониться этой родной щедрой земле, обмакнуть палец в тёмнокофейную жижу её нефти, потянуть своим носом аромат её и уехать счастливым, будто ты побывал на промысле, в разработке которого есть и твоя толика. А она есть...

ЗАПОВЕДНИК СТАРИНЫ

Путь в Висим лежит через Тагил по узкоколейной ветке. Стара дорога. Старомоден и её подвижной состав.

Поезд идёт медленно, останавливаясь почти у каждой просеки. Он идёт едва ли более десяти километров в час. Есть участки, где машинист ведёт продолжительную беседу с колхозником, едущим на лошади вдоль полотна железной дороги.

На этой дороге, как и в самом Висиме, сохранился ещё кусок уральской старины. Нельзя себе представить прошлое Урала, не побывав в Висиме, в Черноисточинском, Авроринском заводах. Это своеобразный заповедник уральской старины.

Движение поезда позволило нам насладиться всеми прелестями уральской природы.

Стоял сентябрь. Чудесное бабье лето. Золотая осень уже дохнула на лес и окрасила его всеми цветами. Едва ли не весь спектр радуги собрался за окном вагона. Ярко-красная рябина, багряная осина и белая, совсем весенняя, второй раз зацветшая в это лето черёмуха. И в её осеннем цветке какая-то тонкая грусть второй молодости, короткой, ненадёжной, последней.

Русский человек не может не любить и не преклоняться перед красотами северного леса.

Травы, буйные травы, кусты шиповника, лиственный молодняк нарядились во всё лучшее, словно зная, что этот месяц — последний зелёный месяц в году.

Не зря в народе живёт и бытует выражение «бабье лето» о последних предосенних днях.

Не зря само название «бабье лето» связано со всем лучшим, трогательным и нежным.

Мы приехали в Висим, когда закат был причудливо киноварным, яшмовым. Закаты севера особенно красивы под осень. Они неповторяемы: каждый раз закат виден заново, каждый раз в нём новая игра сочетаний.

Вот он Висим — родина певца Урала Мамина-Сибиряка. От завода остались только плотина и молва.

Вспомните роман «Три конца» Мамина-Сибиряка. Одна из его натур это Висим. Из трёх концов особенно оцутим «жержацкий» конец.

Удивительно, насколько ещё крепка старая вера. Вы словно путешествуете по прошлому столетию и просматриваете иллюстрации к романам Мамина-Сибиряка, Мельникова-Печерского.

Дома из кондового леса. Массивные, с просторными чердаками, с тесовыми крышами, с крытыми дворами. На дворах пол из строганых плах. Чистый, подметённый, вымытый. Двор тщательно закрыт. Не только дождь или снег, но и лучи света не проникают в него, кроме как в подворотню или в открытые ворота. В таком дворе должно быть теплее, чем на улице. Во двор выходят двери всех служб и помещений для скота. Двор как бы является продолжением дома и звеном, связывающим и приближающим к дому все его строения.

«Шорканье» и скобление стен в старожильских висимских домах — традиция.

В домах очень чисто и по-старорусски уютно. Казалось бы, такие дома доживают

свой век и стоят в наши дни только потому, что они крепки. Нет. Инерция висимской толстодеревой и крытодворовой архитектуры живёт и в наши дни. Мы видели, как возводятся заново дома в той же манере и в том же повторении деталей. Видимо, снежные висимские зимы, холодные северные ветры вызвали именно такое устройство жилья, и оно наиболее удобно в этих местах.

Жители Висима живут не только зажиточно, но и богато. Плодородные земли дают обильные урожаи. Сочные травы летом, хорошее сено для зимы. Лес даёт всё остальное: дичь, грибы, ягоды и древесину.

Висимцы гостеприимны, хлебосольны и приветливы. Закрываясь крытыми дворами и огораживаясь бревенчатыми заборами, они открыты, прямодушны и, как говорится, «некрепко заперты».

Недалеко то время, когда большая рука засечёт красной линией новостройки и будущий город Висим и его район.

Тогда старинная тишина отступит дальше на север. Но и там ей не укрыться от созидательных рук наших дней.

А всё же побывать в Висиме на исходе тишины приятно и необходимо.

образования, здравоохранения, земельный, финансовый коммунальный и т. д. В посёлке свой банк. Своя почта. Театр и кинематограф. Маленький радиоузел. Регулярно выходит газета. Маленькая типография. Огромная средняя школа со всеми учебными кабинетами. Детские сады. Пионерские лагеря. Парк культуры и отдыха, мельница, крахмалопаточный завод, комбинат со множеством небольших цехов, выпускающих продукцию, главным образом, из дерева. Наконец, вы замечаете, что в Таборах имеются все признаки большого города, есть электрическая станция и, конечно, телефон.

Посёлок Таборы и район его имени — сельскохозяйственный. Злаки и овощи, животноводство и полеводство — главное, чем занимается население. Не надо спрашивать у представителя Центрального статистического управления, чтобы понять экономику района.

Мощные пшеничные поля и рожь по дугу лошади обещают урожай в этом году. Раннее созревание плодов вызвало беспокойство хлеборобов, срочный ремонт уборочного инвентаря.

Поля и огороды обещают сытую зиму.

Колхозные стада и личные дворы изобилуют молодняком. Район взял серьёзный курс на развитие животноводства. Что же касается свиней, то их так много попадаетея всюду и они настолько дешёвы, что мы вправе говорить об успешном решении проблемы «скороспелого мяса» в Таборинском районе.

Жизнь района бьёт ключом. Это особенно заметно, если вы находитесь в кабинете председателя районного совета.

Работы много. Война отозвалась на всех звеньях хозяйства района. Предстоящий урожай потребует много рук. А рабочие руки на фронте, на заводах, в рыболовецких бригадах, на лесосплаве.

Из этого кабинета идут тысячи нитей к колхозам, маслобойным заводам, пушному промыслу, пчелиным пасекам, конским табунам, школам, больницам, семьям красноармейцев, девушкам-добровольцам, требующим отправления на фронт, к своему маленькому речному флоту, к заготовке силоса, ягод, грибов, дичи, к проведению дорог, многочисленным курсам и, наконец, к устройству личных дел новых работников, приезжающих в район.

Вы видите, что надо быть большим универсалом, сидя на посту председателя районного совета маленького района. Вы также видите, что маленький далёкий район живёт большой жизнью, и он близок, очень близок, ко всем тем, с кем разделяют его сотни и тысячи километров.

В пульсе и движении жизни Таборов убеждаешься, что нет больше в России провинции. Всё, что произошло час назад на фронте, в Москве, в Лондоне, в любой точке земного шара, становится предметом внимания, действия и политики этого дальнего района.

Прощаясь, мы с большим уважением пожимали руку маленькому и большому городу в лице его председателя.

ЭНСКИЙ ЗАВОД

Энским мы называем его вовсе не потому, что хотим скрыть в интересах военного времени расположение этого завода, некоторые детали и тому подобное, чего не следует оглашать. Энским мы называем его потому, что хотим дать обобщённую картину действительно энского завода, вобравшего в себя всё типичное для большинства вновь выстроенных уральских заводов.

Энский завод, как правило, не возникал в яме, ниже перемычки пруда. Ровная площадь, нередко удалённая от реки и близкая к магистрали железной дороги, расположенная в центре сырьевой и топливной базы, обычно являлась местом для постройки нового завода.

Вот он, этот новый энский завод, дымит десятками труб и высится светлосерыми, красно-кирпичными сооружениями. Вокруг него ещё сохранились следы стройки. Нераскорчёванные поляны, бараки, перешедшие в наследство от строителей промышленным рабочим, бетонные заводы, здания-временки и щебень-бой, известковые ямы и тара от строительных материалов.

Не похож, принципиально не похож новый уральский завод на старый. Фабричные улицы широки и благоустроены. Асфальт, древонасаждения, цветы, трибуны, скамейки, киоски — обязательные признаки заводской территории. Прогалы между цехами значительны. Большие окна цехов. Внутри цехов море света. Воздух чист, вентиляция с большим запасом возможностей.

Цех внутри кажется ещё большим, нежели

снаружи. Нередко является загадкой — на чём и как держится многометровая ширина перекрытий. В таком цехе почему-то всегда приходит на память купол Софийского храма. Его считают чудом зодчества, и как о строительной тайне, о нём говорят и по сие время. Но ведь не надо брать в руки рулетки, чтобы увидеть, что цехи энского завода могут вместить несколько храмов святой Софии.

Странно, почему принято так таинственно и преувеличенно говорить о старине, всеми уважаемой, досточтимой, и не отдавать должное зодчим фабрично-заводского строительства.

В энском заводе, на первый взгляд, кажется много строений, машин, агрегатов и мало рабочих. Это, наверно, происходит от того, что виденные в юности и детстве цехи кишмя-кишели работающими, потому что тогда производственный процесс в большинстве переходов был ручным. Теперь же человек заменил себя машиной, станком, автоматом.

Вот он вал. Даже трудно представить, сколько в нём весу. В старые годы вокруг него возились бы сотни две кузнецов. Теперь их двое. Две девушки. Одна с косичками, вторая — с модной причёской: букли на лбу и ниспадающий водопад светлых волос позади. Первая, очевидно, кузнец, вторая — подручный. Первая, нажимая на рычаг молота, величиною с дом в три этажа, может отковать острые иглы и расплющить стотонную болванку. Вторая, орудуя цепями подъёмника и поворотными механизмами, легко, как будто это не вал, а обрубок сухостойного дерева, поворачивает его на наковальне. Девушкам едва ли есть столько лет, сколько тонн в валу.

Но они неоспоримо заменяют добрые две сотни старых уральских кузнецов-бородачей, которые бы двадцать-тридцать дней возились вокруг этого вала.

Броня одной из боевых машин значительна и тяжела. Придать ей нужную форму потребовалось бы много труда и времени. Одно движение челюстей многоэтажного пресса, и броневая сталь, словно жесть, принимает нужную форму.

Глаз постепенно привыкает к чудесам техники, и в сознании стирается понятие о весе, времени и энергии.

Переходя из цеха циклопических станков и производимых ими частей в цехи мелких деталей, вам несколько минут приходится перестраиваться и опускаться в масштабах до малой детали. Она, впрочем, не так мала, чтобы уместиться в часовом механизме, но она незначительна по сравнению с только что виденным.

Иной стиль, иная атмосфера в цехах малых деталей. Больше рабочих, ровнее гуд, нет неожиданных оглушительных шумов. Станки шпалерами стоят по потоку. Можно проследить, как детали, идя от станка к станку, словно притоки рек, сливаются одна с другой и образуют агрегат или подсобный механизм машины.

Энский завод похож на город. Попавшему сюда впервые трудно понять, «что к чему». И вначале завод кажется разбросанным, самостоятельно живущим в каждом своём звене. Познакомившись, видишь единую производственную структуру, строго организованную и подчинённую одной задаче во всех частях. И горе, если одна из них захромает, отстанет

или остановится, — это сразу скажется на всём организме.

Энский завод — лицо современного Урала. Делают ли на нём танки, самолёты или другие виды вооружения, новый энский завод всегда несёт в себе все черты современного промышленного предприятия — высокую механизацию, чистоту, свет, высокую технологическую культуру, обилие машин, станков и небольшое количество рабочих, хотя они достаточны, а иногда и сверхдостаточны по штатным расписаниям.

Современный уральский завод — храм техники и сокровищница передовой изобретательской мысли, воплощённой в станки, машины и механизмы. Сложны они. Разумно взаимодействие их частей. Сложен и высок по культурному уровню тот, кто управляет ими — уральский рабочий. Есть агрегаты, на которых разрешено работать людям по званию не ниже инженера. Вот яркий образец того, как стираются грани между умственным и физическим трудом.

Энский завод — высшее выражение, последний этап того, что добывается, производится на Урале и поступает в распоряжение советского государства и народа.

Энский завод един в своей многоликости.

Вчерашнее энского завода не похоже на его сегодня, и завтра его сегодня превратится во вчера. Завод растёт и совершенствуется, чтобы идти в ногу с мировой техникой, а иногда и вести её.

Таковы отличительные черты энского большого уральского завода.

ТАНКОВЫЙ ЗАВОД

Танки производятся на многих заводах Урала в американских количествах и европейского качества. Это известно всем и по поездкам, идущим с востока, на платформах которых следуют танки, и по тому, что в общую форму «Урал производит все виды вооружения и боеприпасов» должны входить и танки.

Танковая промышленность на Урале — молодая, но это уже та промышленность, у которой есть чему поучиться. В частности, наши кичливые враги, называя танки по своему образу и подобию зоологическими именами, хвалялись их превосходством. Теперь они заимствуют многое у наших конструкций. Это уже звучит комплиментом в пользу советского танкостроения и показывает деградацию технической и конструкторской мысли тех, кто считал себя передовым в танкостроении — ведущей стратегической промышленности. Сейчас мы видим, что инициатива и в этой области перешла в наши руки.

Там, где теперь танковый завод, на котором мы находимся, ещё недавно был завод, дающий мирную, простую по конструкции продукцию.

Два года назад этот мирный завод был превращён в военный. За пятьдесят-семьдесят дней нужно было не только реконструировать завод, поставить точные станки, которые необходимы для изготовления капризных механизмов танка, но и подготовить людей с разных заводов и предприятий, часто не имеющих отношения к машиностроению, к металлообработке и даже к заводам вообще.

— Как я стал танкостроителем, — говорит бывший колхозник, — просто представить не могу. А вот видите, руковожу теперь целым узлом сборки радиатора.

— Ну, кто поверит, — говорит ветеринарный фельдшер, — что я, имевший дело со скотом, теперь работаю на предварительном опробовании готовых танков, и у меня есть за это три благодарности. Кто?

А кто поверил бы, что вчерашняя домашняя хозяйка сегодня будет штамповать на большом молоте ответственные ходовые детали танка. Этому не поверила бы она сама год тому назад.

Но все эти факты живые, неопровержимые, героические. Не веря в сверхсилы, приходится искать причины успеха в людях.

— Милый друг, — сказал мне старый знакомый, участник реконструкции этого завода, прошедший на нём всё это время, — я не знаю, чем объяснить наши успехи. Может быть, негодованием... Может быть, тем, что немцы тогда были под Москвой... Может быть, злостью, ненавистью, которая, заполняла всё существо рабочего, инженера... Может быть, желанием жить и победить во что бы то ни стало. Может быть, всем этим, вместе взятым.

Это завод героев. Разве не героем называется человек, который два месяца не выходил из цеха, обедая и ночуя возле своего рабочего места? Разве не героем называется тот, кто сознательно отдавал десять-пятнадцать дней своей жизни за одну напряжённую смену.

Цифры сделанного уральцами, которые будут обнародованы после войны, потрясут мир.

Перед тем, как попасть в большое русло километрового сборочного цеха, мы идём по цехам-«притокам». Они «впадают» в главный «фарватер»; где на глазах рождается танк от сборки бронекорпуса до установки мотора, огневых средств и до выхода в пробный пробег. Мы видим, что эти «притоки» образуют стройный технологический «бассейн» мощной «реки», в верховьях которой начинается, а в устье кончается создание танка.

Цехи-притоки, неся свою лепту, связаны с главным цехом в том месте, где их продукция нужна в данной стадии сборки танка. Так поступает литьё, поковка, башни, борты, арматура и всё, из чего состоит танк.

Когда разумен и строен технологический процесс, им восхищается даже неискущённый в технике глаз.

С завода возвращаешься, как из театра после большого зрелища. Конечно, в этом зрелище много невидимых глазу усилий, мысли, энергии тысяч людей, зато и продукция тоже исчисляется тысячами.

Каждый день даёт прирост выпуска. Каждый день несёт новые усовершенствования. Чудесно рождается танк на этом заводе, чудесно и движется он на поле брани, через рвы заграждений, минные поля, через огонь к желанной цели.

И он к ней придёт, потому что у уральского танка большие «баки» с «горючим» и большой «запас прочности».

ФАНЕРНЫЙ КОМБИНАТ

Мы о нём слышали давно и много хорошего. Побывать же на нём удалось недавно. На этих днях.

Директор комбината знакомил нас с производственным потоком, начиная с его истока. С берега реки. Огромная запань или, условно говоря, пловучая гавань вмещает в себя необозримое поле, состоящее из плавающих берёзовых стволов. Лучшие, первосортные из них уже отобраны браковщиками, сортировщиками и пущены в запань. Рабочие баграми направляют близплавающие брёвна на ленту конвейера, окунувшуюся в реку. Бревно, попав на зубцы ленты, начинает свой производственный рейс. Поднимаясь на крутой берег, бревно попадает в поперечную распиловку. Два, три и более стандартных отрезка (чурки), полученные из бревна, следуют дальше на центрование.

Специальный прибор, сконструированный изобретательной молодёжью, позволяет легко и быстро найти выгоднейший центр берёзового отрезка. Отцентрованные чурки идут в лучильный цех.

Это большое, светлое здание. Воздух чист, он насыщен запахами древесины и берёзового сока. Ловкие руки женщин быстро вставляют поданную лентой конвейера чурку в лучильную машину. Мгновение, и острый полуметровый нож надвигается на вращающуюся чурку. Первые срезы, идущие в отход, сменяются тонкой белесой муаровой лентой, из которой суждено через несколько часов составиться фанерному листу.

Лента, выходя из машины, автоматически

нарезается и сразу же поступает в сушение. Высушенные листы готовы для склейки.

Рассортировав листы, те же женские руки направляют их в машины, где они пропитаются специальным раствором. После этого их укладывают друг на друга, перпендикулярно слоями, и отправляют в прессование.

Стоит несколько слов сказать о прессе. Это сооружение по размерам напоминает приличный дом в два и три этажа. Гидравлическая установка даёт ему силу, способную спрессовать бревно в картонный лист. В этот-то пресс и вкладываются сериями будущие фанерные листы. Снова женские руки нажимают на рычаг, и фанерная заготовка, как будто совершенно сухая, даёт влагу. Кажется, этот пресс способен выжать соки из камня.

Час-два, и звонкие белые листы фанеры годны в дело. Через несколько дней чурка, прибывшая по реке, будет летать в самолёте, плавать в понтонном сооружении или занимать отведённое ей место в танке. Но... перед этим фанерному листу надлежит пройти строгий контроль. Зоркий глаз осмотрит его со всех сторон, точный прибор проверит толщину, специальная камера, называемая в шутку «рентгеновской», пропустит через себя каждый лист, для того чтобы глаз браковщика убедился в том, что в листе нет изъянов. После просвечивания лист получает право стать военным полуфабрикатом.

Мы поразились, когда увидели прессование фанеры в несколько метров длиной и в несколько сантиметров толщиной. Это так называемая дельта. Этот материал уже не дерево. Соединяясь с пластическими массами, он зна-

~~5042~~
5042 горел

чительно выше по удельному весу любой из древесных пород. Он тонет. Он негорим. Им заменяются некоторые цветные металлы. При разрезе дельта напоминает кость. В месте среза она даёт блеск. Этот материал вызывает не только уважение, но и благоговение.

Директор, сопровождая нас, крайне сдержанно как и большинство директоров военного времени, пользовался при разговоре цифрами. И мы не осведомились о количестве изготавливаемого. Но частые поезда и обилие вагонов на ветке комбината свидетельствовали о солидных цифрах выпуска продукции фанерным комбинатом. Недаром же он несколько месяцев подряд держал знамя первенства среди других родственных предприятий.

Качество и внешность фанеры хороши настолько, что мы невольно берём с собой обрезки фанеры дельты и других разновидностей продукции комбината для того, чтобы украсить ими свой письменный стол или превратить в поделку, которая останется как память об этом крупнейшем в Европе фанерном комбинате, поднявшемся из лесов и царствующем над зелёными массивами Северного Урала.

Чувство радости от виденного долго не оставляет вас, а память и лучшие воспоминания об этом высокотехнологизированном предприятии не оставят вас никогда.

Здесь как будто всё ясно и просто. Но какая изобретательность и изощрённость вложена в эту простоту, можно понять только, видя лично, только посмотрев хотя бы полутора метровый пож, неустанно дающий ровный срез берёзовой ленты.

БУМАГА

Наша страна всегда потребляла много бумаги. Бумага всегда была и есть предмет дефицита, потому что спрос на неё больше предложения, потому что рост культуры (грамотности, книгопечатания) опережает рост бумажной промышленности. Накануне войны мы стояли недалеко от счастливого равнодействия этих двух.

Мы создали бумажную индустрию. Кама обросла цепью бумажных фабрик и комбинатов. Они начинаются с верховьев Камы, с реки Вишеры и тянутся вниз за город Молотов.

В городе Краснокамске две бумажных фабрики. Это большие высокомеханизированные предприятия. В процессе превращения елового бревна в бумажный лист участие человека выражается, главным образом, в наблюдении за машинами, всё остальное делают механизмы.

Только разве египетские пирамиды можно сравнить с горами брёвен, высящихся на складе зимних запасов фабрики. Эти пирамиды так велики, что брёвна, падающие с лент транспортеров на их вершины, кажутся спичками.

От склада до первого цеха, где бревно распиливается и освобождается от коры, прорыт специальный канал. Вода гонит лес. Брёвна, идя «стадом», в цехе становятся «строём». Машина и женские руки владеют каждым движением, поворотом, переходом этого «строя» еловых стволов.

В мелкие щепки, в древесную массу превращают бревно большие ножи так же легко,

как мельница превращает зёрна в кофе. И вся эта масса попадает в один из многих, стоящих рядами котлов-великанов. В этих цилиндрических котлах с сферическими основаниями и конусообразной вершиной пар под большим давлением разваривает древесную массу, и с шумом выпускает её по трубам в цехи, где эта масса будет окончательно размельчена.

Транспортёр подаёт размельченную, отбеленную массу на бумажную машину, размером с добрый квартал.

Бумажная машина заставляет любоваться собой. Приставка «микро» фигурирует почти во всех единицах измерения при работе на этой машине. А принцип крайне прост. Для его описания даже не нужен чертёж. Древесная жидкая каша разливается равномерным слоем по широкой движущейся суконной ленте, отдаёт ей влагу и переходит на такую же ленту-сетку, которая снова отбирает влагу. После этого древесные волокна, слегка сцепившись меж собой, попадают меж двух чуть подогретых стальных валов, которые слегка спрессовывают древесную массу с тем, чтобы она, перейдя в новый промежуток двух других валов, сильнее нагретых, спрессовалась вторично и потеряла новую долю влаги. Таким образом, бумажная лента, пройдя десятка два валов, при возрастающей температуре, становится сухой, звонкой, горячей. Вырываясь из бумажной машины, она накручивается на рулон и становится товарной продукцией.

Теперь можно её нарезать на листы, на рулоны от широкого для ротационной печатной машины до узеньких для кассового или телеграфного аппаратов.

НОВЫЙ ЗАВОД

В этом маленьком северном уральском городе десятилетиями лежали большие груды древесных опилок. Лесопильные заводы города производили их столько, что не могли потреблять и пятой доли на топливо. Опилки были притчей во языцех. Избавление от них выростало в проблему городского масштаба. Особенно после пожара, происшедшего от самовозгорания и длившегося около года. На опилочную пирамиду было вылито несколько тысяч цистерн воды. Бесполезно. Она медленно и безостановочно тлела.

Ещё до войны в городе прошёл слух о постройке такого завода, который превратит древесные отходы в ценнейшие продукты: спирт, дрожжи, сахар. Эта сенсация явилась предметом праздных пересудов и иронических насмешек злых языков. Даже находились поэты, которые по этому поводу сочиняли сатирические стихи.

Однако завод решено было строить.

Война задержала его строительство. Война и продвинула это строительство за последние месяцы. Завод, главным образом, строился в первое полугодие этого года. Строился быстро. Быстрее, чем в лучшие времена, когда рабочие руки и материалы были в избытке. Достаточно сказать, что большая заводская труба, имеющая среднее сечение в три метра и высоту шестьдесят метров, была возведена в сорок дней.

Завод закончен. Внутри завода уже идут первые пробные варки, а леса всё ещё не сняты. Кровельщики ещё не закончили крышу.